

СПЕЦНАЗ | БЕРИИ

«Уникальные боевые операции, сорванные планы врагов, спасенные жизни мирных людей — за всем этим стоят бойцы спецподразделения НКВД, подчиненного лично Лаврентию Берии».

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

ПРИЗРАК В МУНДИРЕ

Спецназ Берии. Герои секретной войны

Александр Тамоников

Призрак в мундире

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тамоников А. А.

Призрак в мундире / А. А. Тамоников — «Эксмо»,
2022 — (Спецназ Берии. Герои секретной войны)

ISBN 978-5-04-171242-6

Апрель 1943 года. При нападении советских разведчиков на немецкую штабную колонну исчез портфель с важными документами вермахта. Куда он делся, может знать выживший в том бою германский унтер-офицер, которого в свое время завербовала наша контрразведка. Приметы унтера неизвестны, но, по достоверным данным, он находится в тюрьме гестапо по подозрению в измене. Группе майора Максима Шелестова приказано любым способом освободить немца и выяснить у него, где портфель. Бойцам Шелестова не привыкать к нелегким заданиям. Но на этот раз дело осложняется тем, что никто из них не знает этого унтер-офицера в лицо... «Эта серия хороша тем, что в ней проведена верная главная мысль: в НКВД Лаврентия Берии умели верить людям, потому что им умел верить сам нарком. История группы майора Шелестова сходна с реальной историей крупного агента абвера, бывшего штабс-капитана царской армии Нелидова, попавшего на Лубянку в сентябре 1939 года. Тем более вероятными выглядят на фоне истории Нелидова приключения Максима Шелестова и его товарищей, описанные в этом романе». (С. Кремлев)

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-171242-6

© Тамоников А. А., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Александрович Тамоников

Призрак в мундире

© Тамоников А. А., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1

Февральская метель разыгралась не на шутку. Открытые участки шоссе заметало так, что не было видно дороги. Но здесь, где к шоссе Рославль – Брянск подступали леса, дорога оставалась относительно чистой. Разведгруппа старшего лейтенанта Иванникова заняла позиции вдоль шоссе, подготовив еще ночью бревенчатые настилы, по которым можно быстро преодолеть глубокие сугробы возле обочины шоссе. В этом месте дорога изгибалась под углом почти девяносто градусов, и Иванников решил атаковать колонну немцев с двух сторон. Двое бойцов, выдвинутых далеко вперед, подорвут головную машину. Судя по полученным сведениям, впереди будет ехать средний бронетранспортер с установленным на нем пулеметом и шестью солдатами внутри. Затем пойдет грузовик с хозяйственным грузом для штаба, легковой «Мерседес», в котором будет находиться адъютант командующего группой армий «Центр», и замыкать колонну будет машина с солдатами охраны.

Атаковать легковушку под носом двух десятков автоматчиков опасно и глупо. Они сразу покинут машину, займут оборону на дороге и откроют шквальный огонь. Кроме того, у немецкой пехоты на отделение полагается один ручной пулемет. Значит, всего в колонне три пулемета. Необходимо уничтожить колонну, захватить документы, которые везет адъютант командующего, и доставить их в партизанский отряд, куда следующей ночью прибудет для эвакуации документов легкий самолет «У-2». Разведгруппа состояла из восьми человек, опытных бойцов из частей НКВД. Они с лета 1941 года сражались с немецкими диверсантами и сами выполняли боевые задачи в немецком тылу. Девятым в группе был проводник из партизанского отряда Никифор Артемьевич Бочагов – невысокий мужичок из колхозных бригадиров. Щуплый, но жилистый, привычный к тяжелой крестьянской работе. В партизанах два года, леса и окрестные села знает хорошо. Умеет и на лыжах ходить, и машину водить, и трактор. Но вот в военном деле знаток слабый.

Место, которое хотел найти Иванников и которое он описал проводнику, тот подыскал сразу. И от населенных пунктов, и от гарнизонов далековато, и два больших изгиба дороги, почитай, в общей сложности на километр. Колонна вышла с аэродрома в Рославле еще вчера. Там-то подпольщики и сосчитали количество машин и солдат. Иванников ждал колонну этим же вечером, но из-за метели немцы заночевали в Пеклино. Три ночи бойцы провели в лесу, готовясь к бою. В первую ночь, когда в Рославле еще только ждали приземления самолета, на котором летел адъютант генерал-фельдмаршала Гюнтера фон Клюге, Иванников распорядился установить на дороге радиоуправляемый фугас. Опыт подсказывал, в каком порядке пойдут машины. И в любом случае машина с солдатами охраны, которые представляют наибольшую опасность, пойдет замыкающей. Вот ее и надо было надежно отсечь и уничтожить.

Ночью на дороге устроили небольшой взрыв. Это мероприятие не представляло для группы большой опасности. Приказом по немецким частям и гарнизонам строжайше запрещалось передвижение по дорогам с 18 часов до 8 утра. За исключением плановой переброски войск. В воронку бойцы уложили взрывчатку, установили радиовзрыватель, засыпали землей и утрамбовали снегом. А теперь еще и метелью занесло все следы установки фугаса. Двоих бойцов Иванников отправил вперед и определил им ориентиры. После взрыва фугаса на дороге эти бойцы должны будут двумя гранатами РПГ-40 уничтожить бронетранспортер. Один боец, самый сильный в группе, старшина Почаев, должен будет с расстояния в 20 метров метнуть гранату весом 1,2 кг на капот бронетранспортера, чтобы гарантированно его уничтожить. Второй гранатой он должен был попасть на щитки корпуса бронетранспортера, защищавшие его сверху от попадания гранат. Щитки спасали экипаж от противопехотных гранат, противотанковая же должна была вывести из строя экипаж и пулеметчика. Все, в том числе и Почаев, понимали, что сделать второй бросок у него шансов очень мало.

Группа заняла позиции – по три человека с двух сторон дороги. Но сейчас Иванников лежал один, ожидая, когда двое его бойцов, отправленные на трофейном мотоцикле и в трофейной немецкой форме в разведку, вернутся с нужными командиру сведениями. Люди начали замерзать. Без горячего питания, пролежав несколько часов в снегу, они старались согреться, почти не двигаясь. Только напрягая и расслабляя мышцы. Белесая мгла застилала все вокруг, напряжение нервов нарастало. И вот вдали раздался треск мотоциклетного двигателя. Командир привстал на одно колено, поправляя капюшон белого маскировочного костюма. Звук нарастал справа, со стороны Рославля. И через пару минут на дороге показался весь белый от налипшего снега мотоцикл с коляской.

Двое бойцов в немецкой форме с ходу загнали мотоцикл за сугроб и отвалили в сторону щит из сплетенных прутьев. Гора снега завалила почти всю машину. Подбежавший к Иванникову разведчик упал рядом в снег и лежа стал натягивать маскировочный костюм.

– Плохо, командир! Они соединились с другой колонной и идут вместе! Минут через десять будут здесь...

– Сколько? Быстро! – приказал Иванников.

Решение нужно принимать быстро. Приказ должен быть выполнен любой ценой! Что-то еще можно поменять, переставить силы. Если колонна с адъютантом войдет в Брянск, то документы уже будет не добыть. Они попадут в сейф командующего. Только сейчас и только здесь.

– Три грузовика и бронетранспортер, – ответил разведчик. – «Броник» тянет один грузовик на буксире. Машины перегружены, видно, как тяжело идут. И еще одна легковушка добавилась. Но не генеральская. Просто какая-то штабная «шаланда».

– С грузом, с солдатами? – нетерпеливо перебил Иванников. Сейчас этот вопрос был наиважнейшим.

– Скорее всего с грузом. Тент по бокам у машин выпирает. Если солдаты и есть, то немного. Охрана сопровождения груза. Думается, тыловой обоз идет. Они к нужной нам колонне пристроились сзади.

– Плохо! – проворчал Иванников. – Аккурат попадем под пулемет второго бронетранспортера. Вот что, Петро! Дуй вперед, возьми вторую РПГ и занимай позицию на двадцать метров правее меня. Заглушишь второй бронетранспортер.

– Есть, – отозвался разведчик и, вскочив, быстро побежал, падая и поднимаясь, по рыхлому снегу.

Командир повернул голову и подозвал к себе партизанского проводника. Бочагов довольно ловко и умело пополз между деревьями и кустами. Иванников усмехнулся. Дисциплинированный боец, ничего не скажешь. Сейчас нет необходимости ползать, а он выполняет последний приказ. Когда бывший колхозный бригадир добрался до командира, тот приказал:

– Вот что, Никифор! Времени рассусоливать нет. Твой отряд на помощь звать нет времени. Колонна на подходе, и она больше, чем мы рассчитывали. Да и от отряда твоего мало что осталось, после последних боев рассредоточились по лесам, кто жив остался. Так что надежда у меня на тебя, как на представителя партизан, как на всех партизан, что поднялись на борьбу с фашистом вместе с Красной армией! Не хотел я тебя в бой посылать, но иного выхода нет.

– Ты, командир, не сомневайся, я сделаю все, что надо, – заверил Бочагов. – Приказывай. Одна у нас судьба теперь, у всего народа одна, и от каждого зависит день освобождения.

– Слушай и запоминай. Ты смотришь только на меня. Делаешь все как я. Я вскочил на ноги, и ты быстренько поднимаешься, я вперед, и ты за мной. Больше чем на два шага не отставай. Стреляй, если враг перед тобой, убивай, но главная твоя задача – добраться со мной до генеральской машины. Там я тебе документы передам, и тут наступит самый главный момент в твоей жизни. Ты этот портфель должен передать в отряд. Там знают, что с ним делать и как переправить на Большую землю. Ни на что внимания не обращай. Про нас забудь, мы при-

кроем тебя, ты только к своим рвись, грызи зубами, убивай, хоронись, когда надо, но доберись, спаси портфель. Понял меня, боец?

– Понял, как не понять, – кивнул Бочагов, и лицо его стало мрачнее ночи. – Виноват, командир. Есть: принять портфель с документами и доставить в отряд!

– Вот так, – облегченно вздохнул командир. – Теперь все остальное не важно. Теперь мы приказ выполним.

Из-за поворота показалась колонна, и Иванников поудобнее взялся за свой автомат. Несмотря на большой вес и высокую скорострельность, из-за которой патроны быстро заканчиваются, группа все же была вооружена автоматами ППШ. Только это оружие позволяло за короткий промежуток времени обрушить на врага шквал пуль, создать подавляющее огневое превосходство. И каждый боец нес с собой по шесть дисков для автомата и по две противопехотные гранаты. Две противотанковые гранаты у каждого бойца составляли единственное противотанковое вооружение группы. Теперь рассчитывать приходилось лишь на гранаты, боевое мастерство бойцов НКВД и хорошо спланированную операцию. К сожалению, случайность, от которой никто не застрахован, внесла свои коррективы. Но первейший закон войны, первейший закон армии гласит, что военнослужащий должен выполнить приказ любой ценой. Иначе в армии и на войне нельзя. Командир, отдавший приказ, должен быть уверен, что подчиненный выполнит его, даже если придется для этого умереть. Такая вот работа.

Колонна шла в том порядке, о котором доложил разведчик. «Хотя бы это хорошо», – подумал старший лейтенант, держа палец на кнопке передатчика, который должен передать сигнал радиовзрывателю. Еще минута. Медленно ползет техника. Настороженность немцев чувствуется, внимательно смотрят по сторонам водители и сидящие с ними рядом младшие командиры. Замерли пулеметчики, прижав приклады к плечу в обоих бронетранспортерах. Настороженные, но эта настороженность уже вошла в привычку. А значит, нападение все же будет неожиданным. Фактор неожиданности очень нужен группе. Нужно всего несколько секунд растерянности врага от неожиданной атаки, и нужна согласованность действий всех бойцов разведгруппы.

Начали! Палец надавил на кнопку, и прямо под капотом грузовика с солдатами взметнулся столб снега и черной земли, в котором отсветами мелькнуло яркое пламя. Грохот разорвал тишину сонного февральского леса. И тут же ударили ППШ. Пули били по кабинам, прошивали мерзлый тент, вдребезги разлеталось стекло, со скрежетом пули прошивали металл. Грузовик подбросило, и он загорелся, встав почти поперек дороги. Из кузова стали прыгать оглушенные солдаты и разбегаться по сторонам. Кто-то падал под пулями, кто-то сам ложился, озираясь и ища цели.

Грохнул второй взрыв. Иванников с удовлетворением увидел, как полыхнул пламенем капот головного бронетранспортера. Машина прокатилась еще пару метров и остановилась, отчаянно дымя. Из леса через этот дым выскочил боец, не обращая внимания на огонь, вырвавшийся из двигателя, вскочил на капот и дал несколько очередей внутрь броневики. Прыгнув вниз, он поспешно снял с турели пулемет и потащил его к заднему борту.

– Прикрой! – крикнул Иванников бойцу, который оставался с ним рядом и вел прицельный огонь по грузовикам. – Я пошел!

Командир вскочил и, низко пригибаясь, побежал через замаскированный бревенчатый настил к дороге. Легковой автомобиль был цел. По нему дали с двух сторон несколько очередей, целясь на уровне голов. Кого эти пули не зацепили, должны были выскочить наружу и искать укрытие, но из машины никто не выбежал. Пули свистели совсем рядом и взметали снег у самых ног. Был слышен топот ног бежавшего следом партизана. Вот и машина. Через заметенное снегом стекло Иванников видел контуры голов, но люди в машине не двигались. Старший лейтенант рванул дверь за ручку на себя и тут же отпрянул в сторону, но выстрела не последовало.

Моложавый холеный адъютант с генеральскими погонами на шинели с меховым воротником был мертв. Его голова в фуражке с меховыми наушниками безжизненно свесилась набок, а глаза уставились вперед, и в них затаились удивление и боль. Дырочка от пули виднелась на шинели как раз на уровне сердца. Сидевший рядом полковник вермахта выглядел не так эстетично. Ему автоматная пуля снесла половину головы, и салон, стекло за его спиной были забрызганы кровью и серым мозговым веществом. Водителя в машине не было. Иванников выругался, схватив пальцами цепочку на руке мертвого адъютанта. Она предназначалась для пристегивания к руке портфеля с секретными документами. Замок расстегнут, портфель пропал!

Иванников быстро осмотрел салон машины. Несколько пуль пробили металл, еще одна разбила стекло возле его плеча. Маленький блестящий ключ от замка цепочки валялся на полу возле ноги убитого адъютанта. Командир стиснул зубы. Все напрасно! Как, как это произошло? Может, кто-то из ребят с другой стороны дороги подобрался к машине и забрал портфель? Их было двое, тех, кто должен подорвать бронетранспортер и отсечь от легковушки охрану. Подняв голову, командир увидел, что пулемет из кузова головного бронетранспортера не стреляет. Он торчит на турели, беспомощно задрал ствол в небо, и рядом с борта машины свисает рука в белом рукаве маскировочного халата. Рукав пропитан кровью, и кровь капает на белый снег шоссе. Второй боец головной группы лежал на спине, широко раскинув руки и ноги на краю дороги, сраженный пулей. За спиной, там, где располагался хвост колонны, стрельба не прекращалась, ухали взрывы гранат. Решение было одно. Иванников упал на снег и за руку подтащил к себе проводника.

– Никифор, уходи!

– Да как же я, товарищ командир, – начал было возмущаться Бочагов, но Иванников перебил его:

– Выполняй приказ! – крикнул старший лейтенант. – Приказываю, любой ценой добраться до отряда, выжить и добраться. И доложить, что документов в машине нет. Мы прикроем тебя как сможем, задержим фашистов. Главное, доложишь, что портфель кто-то успел забрать...

– Есть, – хмуро ответил Бочагов и пополз к краю дороги. Потом вскочил и одним броском преодолел расстояние до обочины. Партизан упал, скатился по снегу, вскочил и снова побежал, падая и спотыкаясь, прикрываясь деревьями. Пули били в стволы, сверху сыпались хвоя и мелкие ветки, но он добрался до своих лыж, сунул ноги в крепление и на миг замер, прислушиваясь. Бой на дороге грохотал всюду. Вздохнув, партизан просунул кисти рук в петли лыжных палок и заскользил по рыхлому снегу глубже в лес.

Окна управления контрразведки 13-й армии выходили как раз на спортивный городок. Начальник управления Смерша стоял у окна, заложив руки за спину, и смотрел, как трое мужчин занимались физкультурой. Один уделял внимание силовым упражнениям, второй чисто гимнастическим, направленным на развитие гибкости. Третий, поглядывая на наручные часы, больше занимался бегом.

– Какие они у вас разные, – заметил полковник Стрельчук. – Я говорю о характерах, пристрастиях, привычках. Или они заняты упражнениями в соответствии с вашим настоящим заданием? Специфика операции?

– Нет, они действительно все очень разные, – усмехнулся Шелестов. – Как и каждый из нас, живущих на этой земле.

Чтобы не выделяться, группа прибыла в Ливны одетая в военную форму. Все с капитанскими погонами стрелковых частей, и лишь Шелестов имел на плечах погоны майора. Какого рода будет задание, Шелестов не знал, но то, что их в таком авральном порядке самолетом из Москвы перебросили ближе к линии фронта, настораживало. Значит, ситуация такова, что

группу не успели проинструктировать в Москве, значит, времени очень мало, и информация их ждет здесь. Причем из первых рук. Значит, не было смысла повторяться и начинать объяснения в Москве. Все это было очевидно. И даже полковник Стрельчук не имел информации о предстоящем задании, судя по его вялым попыткам узнать, к чему готовится группа и какие действия могут понадобиться с его стороны.

– Как обстановка в тылах фронта? – спросил Шелестов.

– Фрицы активизировались, – ответил Стрельчук и отошел от окна. – Едва успеваем вылавливать все новые и новые разведывательно-диверсионные группы. Удалось выйти и на «замороженную» агентуру, которую они оставили здесь при отступлении.

– Чего-то ждут, к чему-то готовятся?

– Они знают, что мы готовим операцию на Курско-Орловском выступе, мы знаем, что и они готовят что-то. Вот все и начали активный сбор сведений. Учитывая, что о прибытии вашей группы меня предупредили аж из Москвы, задание у вас серьезное. Так что, Максим Андреевич, простите, не знаю вашего звания, если что, обращайтесь непосредственно ко мне.

– Обращусь, – кивнул Шелестов. – В нашем деле скромность лишь помеха.

Группе было запрещено выходить в город. Для жилья оперативникам выделили комнату в полуразрушенной школе, которая оказалась внутри охраняемого периметра штаба армии. На обед ходили вместе с другими офицерами штаба в офицерскую столовую, в свободное время занимались физкультурой, единоборствами. Для стрельбы условий не было, поэтому тренировки с оружием пришлось отложить. Шли вторые сутки вынужденного безделья.

Придирчиво осмотрев своих оперативников – хорошо ли каждый побрит, подшит ли у каждого чистый подворотничок на гимнастерке, не мятое ли обмундирование, хорошо ли начищены сапоги, – Шелестов кивнул:

– Все, пошли на обед.

Максим шел сзади, глядя на своих друзей. Буторин хмурый и молчаливый. Все время после их последней операции в Норвегии он ходит такой, весь в себе. Коган налегает на силовые упражнения и гимнастику. После ранения ноги, кажется, его что-то беспокоит, но Борис никогда не станет жаловаться и искать сочувствия, поблажек. Когда ему плохо или больно, он становится злым – на себя, на свою боль. А вот Миша Сосновский улыбается небу, апрельскому солнцу. И все ему нипочем. А ведь он из них самый опытный, он работал в заграничной разведке в Германии под прикрытием дипломатического паспорта. И что у Михаила в голове и на душе, никому в жизни не догадаться. Актер еще тот!

Большая часть офицеров уже пообедала, и в столовой было относительно пусто. Шелестов специально выбирал такое время для обеда, чтобы меньше привлекать внимания к группе. Рассевшись вокруг квадратного стола, покрытого зеленой клеенкой вместо скатерти, все выжидающе посмотрели в сторону кухни, откуда уже спешили официантки, которых здесь почему-то называли просто – подавальщицы. Буторин продолжал сидеть и смотреть в сторону окна без всякого выражения на лице. Коган и Сосновский, как обычно, начали обсуждать девушек, а через пять минут перешли к обсуждению абстрактной и бесконечной женской темы.

И когда девушки убрали пустые тарелки и на столе остался лишь компот из сухофруктов, Сосновский наклонился к Шелестову и тоном заговорщика попросил:

– Максим, мне надо срочно в город...

– Что? Зачем? – удивился Шелестов.

– Ну как это зачем, – горячо зашептал Сосновский. – Я же не могу ходить с такой рожей. Помилуй бог, здесь же есть женщины!

– Миша, – укоризненно посмотрел на Сосновского Максим. – А может, хватит дурака валять?

– Мне нужна новая бритва, – сразу стал серьезным Сосновский. – Мою уже править нельзя. Она царапает лицо, и скоро я буду ходить с таким видом, как будто каждое утро, двигаясь по дороге на завтрак, продираюсь через кустарник.

– А мне нужен пояс из собачьей шерсти от ревматизма, – вставил Коган.

– Ясно, – усмехнулся Шелестов. – Скучно вам. Развлекаетесь. А тебе, Виктор, что надо в городе?

– Пообедали, пошли уже, – спокойно отозвался Буторин и провел рукой по седому ежику своих волос.

– Так, тридцать минут всем на составление списка, – заявил Шелестов. – Кому что и срочно нужно.

Они шли к своей «казарме». Максим догнал Буторина и пошел с ним рядом. Оба молчали до самого спортивного городка. Наконец Шелестов заговорил.

– Витя, ты меня беспокоишь. Впереди черт знает что за операция, а ты молчишь все время, как окаменел. Мне, если честно, страшно за тебя.

– Брось, – коротко ответил Буторин. – Все в норме.

– Это из-за нее, – не поверил Шелестов, вспоминая погибшую девушку Мэрит из норвежского сопротивления. – Война, Витя! Нельзя давать сердцу страдать. Окаменеть оно должно. Закончится все, тогда и грустить будем, и плакать, и добрым словом вспоминать всех, кого мы потеряли. А сейчас нельзя.

– Кончится? – спокойным и каким-то серым голосом спросил Буторин. – А когда?

– От всех нас зависит, когда кончится, – резко сказал Максим. – От каждого из нас, от каждого бойца на передовой, от каждого человека в тылу, кто работает ради фронта, ради победы. От каждого мальчика, что занял место у станка взамен ушедшего на войну отца, брата.

– Мне грустно не от этого, – добавил Буторин. – Война страшная, жертвы миллионами исчисляются. Такого в истории человечества еще не было. Одна война страшнее другой. Мировая с немцами, Гражданская, теперь эта. Ладно, мы, мужики, воины! Но девочки, такие как Мэрит, они не должны умирать, не должны воевать.

– Она была не девочка, – ответил Шелестов. – Она была бойцом, да еще каким! И еще пойми, Витя, что тебе никто не разрешил бы жениться на иностранке. Как ты себе это все представляешь?

– Никак, – спокойно ответил Буторин. – И нечего тут обсуждать.

– Вот и я о том же! – с энтузиазмом заметил Шелестов, увидев своих оперативников на спортивной площадке.

Коган был занят тем, что устанавливал самодельный щит, изображавший ростовую фигуру человека. Фанерный щит никак не хотел стоять, то и дело падал. Дважды он падал, ударяя Когана по голове. Борис тихо ругался и с неудовольствием поглядывал на Сосновского, ходившего вокруг него с заложенными за спину руками и громко читавшего стихи на немецком языке.

Im wunderschönen Monat Mai,
Als alle Knospen sprangen,
Da ist in meinem Herzen
Die Liebe aufgegangen.
Im wunderschönen Monat Mai,
Als alle Vögel sangen,
Da habe ich ihr gestanden
Mein Sehnen und Verlangen.

Шелестов остановился и взял за локоть Буторина, чтобы тот не помешал Сосновскому читать стихи.

– Генрих Гейне. А Михаил у нас романтик и позер, – тихо сказал Максим. И процитировал перевод на русском:

В волшебном-светлом мая
Все почки распускались,
И в нежном сердце у меня
Мечты любви рождались.
В волшебном-светлом мая,
Когда все птицы пели,
Я ей сказал, что я ее
Люблю на самом деле¹.

Сосновский обернулся, проигнорировал засмеявшегося Когана и укоризненно посмотрел на товарищей. Подняв указательный палец вверх, он заявил почти торжественно:

– Вот увидите! Эта война рано или поздно закончится, но мир уже никогда не станет прежним. Он изменится, может быть, до неузнаваемости. Мы прикончим фашизм окончательно, и о нем забудут на века. А может, снова по углам начнет собираться в кучки коричневая мерзость. Многие все равно изменятся в головах простых людей и политиков. Но неизменным и вечным останется другое: культура, великое культурное наследие, искусство, литература. Поэзия! Ведь классика, она вне политики, вне войн и международных споров. Люди забудут о фашистах, но никогда не забудут Гейне. Вот в чем прелесть этого мира, вот в чем надежда и вера в светлое будущее.

Михаил хотел еще что-то добавить к своей высокопарной речи, но из-за угла кирпичного здания показался помощник дежурного. Он подбежал, сбавил шаг и вскинул руку к фуражке.

– Товарищ майор, вас срочно просят в комнату спецсвязи к аппарату ВЧ. Москва!

– Все, – тихо произнес Буторин. – Время поэзии пока подождет. Пока еще говорят пушки...

Когда зуммер снова зазвучал и на другом конце линии сообщили, что будет говорить нарком, все вышли из помещения. Максим взял трубку и доложил:

– Шелестов на связи. Здравия желаю.

– Здравствуй, Шелестов, – голос Берии звучал чисто, можно было различить все интонации. Сейчас Лаврентий Павлович очень торопился и был сильно озабочен. Его всегда в таких случаях выдавал усиливающийся грузинский акцент. – Рад, что живой и что твоя группа боеспособна. Платов тебе сейчас поставит задачу, но я хочу, чтобы ты от меня услышал главное. От результата работы твоей группы зависит успех крупной военной операции, жизни десятков и сотен тысяч наших солдат и вопрос стратегической инициативы. Удивлен? Не удивляйся, все очень просто, банально просто, Шелестов. Не забывай про сложность своего положения и свою ответственность перед Родиной. Понял меня?

– Так точно, понял вас, – спокойно ответил Максим, однако по спине у него пробежал предательский холодок.

Берия редко угрожал и напоминал, что Шелестова и его товарищей вытащили из камер, но не прекратили их дела по обвинению в измене Родине. Да, самой измены не было, был оговор и стечение обстоятельств, которые позволили заподозрить в измене многих, в том числе и самого Шелестова, и Когана, и Буторина, и Сосновского. Никто из них не был предателем, но обвинить и приговорить могли каждого из них. И привести приговор в исполнение не составит

¹ Перевод И. Анненского.

труда. Иногда в таких вот случаях, когда задача группы была предельно сложной, на грани невыполнимости, Шелестов подумывал, а не бросить ли все и не попытаться отказаться от возвращения домой. Он понимал и другое. Что такая попытка бегства станет последним и самым важным доказательством его «вины» перед Родиной. И тогда уже он будет обречен. И ребята будут обречены. А выполняя приказы, участвуя в сложных и крайне опасных операциях, они могли еще рассчитывать на «прощение», оправдание и прекращение против них дел. Было и другое, пожалуй, самое важное, самое главное в их положении – они не сидели сложа руки, они четверо сражались с ненавистным врагом, они помогали Родине, они воевали за нее. И Шелестов мог сейчас простить все что угодно относительно себя самого, лишь за то, что у него есть возможность сражаться, что такую возможность ему дали.

– Здравствуйте, Максим Андреевич, – раздался голос Платова. Как всегда спокойный и размеренный, но деловитый. – Надеюсь, группа готова к выполнению сложного задания?

– Так точно, Петр Анатольевич. Все члены группы в хорошей физической форме. Слушаю ваш приказ.

– Кроме самого приказа, Максим Андреевич, мне бы хотелось вам обрисовать обстановку. Конечно, Лаврентий Павлович был эмоционален, но он не особенно сгустил краски. И я рад, что именно ваша группа будет выполнять это непростое задание. В вас у меня сомнений нет. События, которые вскоре развернутся на одном из участков фронта, способны повлиять на дальнейший ход этой войны, Максим Андреевич. Сейчас и мы, и фашисты готовимся к этим событиям. Операция, которую готовит наша Ставка, позволит разгромить группу армий «Центр». Это наиглавнейшая задача. Но есть и второстепенные задачи, которые также влияют на стратегические планы. Эта операция не позволит немцам перебросить резервы под Ленинград, где идут ожесточенные бои по прорыву блокады. Эта операция не даст немцам возможности перебросить войска на юг, где наши войска прорывают «Голубую линию» на Таманском полуострове. Ваше задание – найти и переправить командованию комплект штабных документов, которые вез адъютант командующего группой армий «Центр» из Берлина.

– Вы уверены, что мы вчетвером способны провернуть такого рода операцию? Да еще без подготовки? – удивился Шелестов.

– Вам не потребуется атаковать армейские штабы крупных немецких соединений, – спокойно возразил Платов. – Ваша задача иная, но не скажу, что она проще, потому что мы не знаем, что там произошло. Вам придется самим ориентироваться в ситуации за линией фронта и принимать решение. Времени на подготовку нет, потому что немцы тоже ищут пропавшие документы. Вряд ли они в состоянии за такой короткий срок кардинально изменить свои планы, но найти документы и лишить нас возможности ознакомиться с ними могут вполне.

– Значит, кто-то уже пытался этими документами овладеть? – понял Шелестов.

– Ситуация такова. Наша разведгруппа совершила нападение на немецкую колонну за линией фронта. Завладеть документами не удалось, группа, судя по всему, погибла. Но мы получили сведения, что во время нападения портфель с документами и планами пропал. Куда он делся, не знаем пока ни мы, ни немцы. Все, кто из немецких солдат и офицеров группы сопровождения остались после нападения в живых, арестованы и содержатся под арестом в Брянске.

– Вы хотите сказать, что кто-то... – начал было Шелестов, но Платов перебил его:

– Подвожу итог. Группа, которая должна была захватить документы, не выполнила задания и, видимо, погибла. Адъютант, перевозивший документы, и большая часть сопровождавших его людей убиты. Несколько человек, оставшихся в живых, под арестом. Идет расследование и поиск документов силами абвера. В составе группы был немецкий унтер-офицер, завербованный нашими сотрудниками. Среди убитых он не значится. Есть основания полагать, что он тоже под арестом. Только он может знать, куда исчез из машины портфель с документами, вероятно, он сам его взял и спрятал. Ваша задача: переправиться через линию фронта,

установить точное местонахождение завербованного унтер-офицера. Принять меры к его освобождению, найти с его помощью портфель с секретными документами гитлеровской ставки и доставить советскому командованию.

– Как мы можем опознать агента?

– С вами на задание отправится офицер НКВД, который вербовал этого немца и знает его в лицо.

– Уф, уже легче, – не удержался от шумного выдоха Шелестов. – Это решает многие проблемы.

Вечером, когда уже стемнело, группа погрузилась в кузов «полуторки», крытый брезентом. Полковник Стрельчук пожал каждому руку, а потом сам закрыл задний борт грузовика и махнул рукой. Поехали!

Через полтора часа езды по ухабам и грязи грунтовых дорог машина въехала на военный аэродром. У самого леса, где кончались рулежные дорожки, под маскировочной сеткой стоял большой транспортный «Дуглас». Старший лейтенант, представившийся оперативником Смерша, проводил гостей в отдельную пустующую землянку, зажег на столе керосиновую лампу.

– Кто отвечает за нашу отправку? – осведомился Шелестов.

– Сейчас вернется капитан Анохин. Он в курсе дела.

Группа повалилась на деревянные лежанки, устроенные вдоль стен. После выматывающей непрерывной тряски хотелось вытянуться и полежать. Личные вещмешки распаковывать не стали. Скорее всего, вещи останутся здесь, а для операции придется получать другое имущество, оружие. Коган отвернулся к стене и задремал, Сосновский просто лежал с закрытыми глазами, и лишь Буторин ворочался с боку на бок и ворчал:

– Нет ничего хуже, когда ты что-то важное должен сделать, а результат и подготовка зависят не от тебя.

– Скоро все, что нам нужно, выяснится, и мы все узнаем, – спокойно возразил Шелестов. – Ты же знаешь, Виктор, что такова была ситуация, что нас пришлось собирать и отправлять в аварийном порядке.

Максим понимал, что у Буторина не нервы сдают, что он ворчит лишь для того, чтобы чем-то занять себя. Виктор по-прежнему может быть собранным и хладнокровным. Он опытный разведчик, с хорошей подготовкой. Да и вместе они уже не один год. Шелестов видел Буторина в разных ситуациях. Достаточно вспомнить, как они с Коганом прикрывали их отход из Новороссийска на катерах, отстреливаясь от немецких скоростных судов, подставляя себя. Никаких эмоций и терзаний, только холодный и безошибочный расчет. Пусть поворчит, это полезно. У каждого свой характер, свой тип нервной системы. И каждый готовится к операции по-своему, индивидуально.

В дверь постучали, и она открылась, пропуская высокого статного капитана. Он прищурился, осмотрелся в полутемной землянке и спросил:

– Разрешите? Я капитан Анохин. Будем знакомы!

Шелестов поднялся с табурета, его бойцы тут же вскочили с лежанок. Пожав каждому руку, всматриваясь в лицо нового знакомого, гость сдержанно улыбался. Широко распахнулась дверь, и в землянку вошли трое солдат с полевыми термосами. В одном оказался горячий чай, во втором гречневая каша с мясом. Анохин предложил перед дорогой подкрепиться. Когда удастся позавтракать, было неизвестно. Группа с завидным аппетитом загромыхала ложками по железным тарелкам, уминая вкусную кашу.

– Ну, в общем-то, дело обычное, – не спеша работая ложкой, рассказывал Анохин. – Унтер-офицера Карла Майснера я завербовал еще три месяца назад. Водитель штаба – это величина не слабее любого генерала! Он оказался из рабочих и критически относился к гер-

манскому правительству. Не скажу, что он ярый антифашист в прошлом, но нынешнее положение на фронте открыло ему глаза на многое, и он просто хочет выжить и хочет, чтобы скорее закончилась война. Есть у мужика определенные иллюзии, но я их его лишать не стал.

– Он решил, что одно серьезное поражение на фронте – и Гитлер лапки вверх поднимет, чтобы мы не вошли на территорию Германии? – предположил Сосновский.

– Примерно так, – хмыкнул Анохин. – А тут задание. Ко мне обратились за помощью, когда планировали операцию. Ну я и ввел в дело Майснера. Он там каким-то образом устранил водителя машины, которая должна была везти адъютанта, и сел за руль сам. Задачу он не знал, цель операции перед ним никто не раскрывал, но Майснер, я думаю, не дурак, сам все понял, когда увидел браслет на руке адъютанта, соединенный цепочкой с ручкой портфеля. Я думаю, что, когда началась заваруха на дороге, он смекнул, что к чему. Пристрелил офицера, вытащил из кармана ключ, отстегнул цепочку и спрятался в лесу. Увидел, что группа русских погибла, и стал действовать по своему усмотрению. А вот что делать нам и как он решил поступить, для меня не меньшая загадка, чем и для вас. Но, скорее всего, он успел где-то спрятать портфель, а потом его и всех оставшихся в живых арестовали по подозрению в измене и помощи русским.

– Есть еще свидетели этого боя? – спросил Буторин. – Партизаны, подпольщики, кто-то из местных, кого они взяли проводником, мальчишки местные вездесущие?

– Да был проводник, – кивнул Анохин. – Из партизан. Он и принес в отряд информацию об этом бое. Но, к сожалению, командир группы его отправил еще до окончания боя, чтобы сообщить, что в машине портфеля не было. И водителя легкового автомобиля тоже не было. Придется нам на месте разбираться, отделять, так сказать, зерна от плевел и шаг за шагом продвигаться к истине и...

– Портфелю, – вставил Сосновский.

– А вы, – Анохин повернул голову к Михаилу, – как я понял, свободно владеете немецким языком?

– Берлинский диалект, – равнодушно пожал плечами Сосновский и стал рассеянно рассматривать ногти на своей левой руке.

– Хорошо. А теперь карты местности! – Анохин достал из планшета несколько сложенных топографических карт.

– Партизаны нам смогут помочь? – спросил Буторин. – База в лесу, боевое прикрытие в случае необходимости, помощь проводника – все это может пригодиться.

– Отряд понес большие потери в результате карательных операций фашистов в этом районе. Сейчас остатки отряда разбросаны по нескольким временным базам в лесах. На серьезную помощь рассчитывать не придется. Но связь с городским подпольем у нас будет.

Глава 2

Множество разрушенных домов, битый кирпич, поваленные столбы, перепутанные провода оборванных электросетей. Расчищены лишь основные улицы, которыми оккупанты пользовались сами. Местное население передвигалось по тропинкам, протоптанным по краю развалин. К домам никто не рисковал приближаться, эти руины могли в любой момент обрушиться. Что часто и бывало.

Шелестов заметил немецкий патруль лишь дважды. Гитлеровцы тоже не особенно были настроены лазить по развалинам и искать партизан. По центральным улицам, где располагалась оккупационная администрация и казармы, то и дело проезжали грузовики с солдатами, машины тыловых служб. Насколько им с Буториным удалось определить, большого гарнизона в городе не было. Несколько укрепленных позиций они держали на Десне, в основном у мостов и на востоке от железнодорожного узла. Гораздо сильнее гарнизон был в Полпино, откуда простреливалась вся рокадная Калужско-Брянская магистраль.

Прячась в развалинах жилого дома у основательно разрушенного дверного проема, Шелестов видел почти всю улицу – от перекрестка справа до почти полностью сгоревшего квартала частных деревянных домов. Буторин правее в двух метрах от него стоял на одном колене у пролома в стене и наблюдал за противоположной стороной улицы. Вот показался Анохин. Капитан был одет во вполне приличную костюмную пару и шляпу из тонкого фетра. На руке висит серый плащ-пыльник. Шел Анохин не спеша, небрежной походкой уверенного в себе человека. Под плащом у него был спрятан «шмайсер» со сложенным прикладом. Шелестов протестовал против того, чтобы капитан шел на встречу со связником из подполья вооруженным, но тот возразил, что место для встречи выбрано удачным и укрыться в случае нападения фашистов удастся легко. Как раз автомат и даст кратковременное огневое преимущество и позволит добежать до развалин справа или слева. А дальше спасут только ноги. Максим в ответ лишь пожал плечами. Анохин несколько раз ходил за линию фронта, несколько месяцев работал в тылу в составе диверсионного отряда НКВД, у него был большой боевой опыт, и приходилось на его опыт полагаться.

Связник появился возле обгоревшей круглой рекламной тумбы. Он вышел незаметно, как будто материализовался из воздуха. Только что никого не было, и вот уже в условленном месте стоит человек в фуфайке без воротника и покуривает, подперев тумбу плечом. Все, как и договорено. Мужчина лет 60, седовласый, фуфайка на груди порвана и зашита черной квадратной заплатой. Сапоги кожаные ношенные со светлыми отворотами. Под мышкой держит газетный сверток, из которого торчит новое топорщице. В бинокль Шелестов связника разглядел хорошо. Особенно тщательно он разглядывал лицо мужчины. Нет, спокоен, но насторожен. Привычная такая настороженность. Без суеты и паники. Хорошее лицо. Если это агент гестапо, то он вел бы себя иначе. «А почему иначе? – поймал себя на этой мысли Максим. – Как раз агент гестапо вел бы себя очень правдоподобно, чтобы не было подозрений, иначе контакт не состоится».

– Связник на месте, – тихо произнес Шелестов. – Условные знаки соответствуют.

– Понял, – отозвался Буторин. – В моем секторе пока чисто.

Все шло по плану, но на душе Максима было не очень спокойно. Наверное, оттого, что вот этот момент был одним из самых ответственных во всей операции. Связь с подпольем даст надежное убежище группе, обеспечит информацией из города. Подпольщики могут и подстрahовать во время боевой операции. Сил подполья никто не знал. Скорее всего, подполье пострадало так же сильно, как и партизанские отряды. Но все равно без местных помощников не обойтись. Группа в чужой местности, не знает обстановки, не знает города. Шелестов думал об этом, следя за улицей и анализируя ситуацию. Анохин постоял у стены закрытого магазина.

Закурил, выпустив вверх струю дыма, и небрежно бросил спичку на землю. Сейчас произойдет контакт. Капитан подойдет к связнику, и они обменяются условными фразами пароля.

Нервы у Шелестова были напряжены. А дальше произошло то, чего он боялся и че-го на уровне подсознания ждал. Не верилось ему, что все так тихо и спокойно в оккупированном фашистами городе. Справа из развалин на улицу выбежали пятеро немцев в форме и с автоматами. Слева из-за сгоревших домов еще четверо в гражданской одежде и тоже с автоматами. Улица наполнилась криками «halt», «niemand bewegt sich». Связник мгновенно юркнул за рекламную тумбу и оттуда дважды выстрелил из пистолета. Один из немцев согнулся, хватаясь за плечо. Застрекотали автоматные очереди. Анохин сбросил с руки плащ и дал длинную очередь влево. Двое в гражданском упали, а остальные бросились в разные стороны в поисках укрытия. Снова защелкали пистолетные выстрелы, но их заглушили автоматные очереди, и связник, бросившийся в сторону домов, рухнул плашмя на асфальт. Под его головой стала растекаться лужа крови. А с обеих сторон улицы уже трещали мотоциклетные двигатели. На дорогу стали выезжать автоматчики, соскакивать с мотоциклов и окружать место перестрелки.

Ни Шелестов, ни Буторин не успели поднять автоматы. До последнего надеясь, что капитану удастся добежать до развалин. Но тот вдруг споткнулся и упал. Снова поднялся, прихрамывая и держась рукой за бедро, где по штанине растекалось темное пятно.

– Не стрелять! – заорал капитан на всю улицу, и Шелестов понял, что эти слова относятся к нему и его напарнику.

Операция должна быть закончена, приказ должен быть выполнен, несмотря ни на что. Это была засада! Немцев много. Открывать огонь – означало погибнуть самим. Тогда на операции можно ставить крест! Каким количеством жизней солдат заплатит Красная армия за то, что группа не смогла достать документы? Во время наступательных операций такого рода, во время операций стратегического характера жертвы исчисляются уже не десятками, а сотнями тысяч с обеих сторон. Сколько жизней солдат ты готов принести в жертву? А Анохин, раненный в ногу, в окружении немцев был обречен. Он знал это и всегда знал, что такое может случиться во время выполнения любого задания за линией фронта. И он был готов к этому всегда. И сейчас, бросив бесполезный автомат, он сжался весь в комок и стоял, покачиваясь, обхватив себя руками, будто в ознобе. Что думали немцы? Что человек в шоке, в панике, страшно испуган?

Подъехали мотоциклисты, Анохина окружили человек десять гитлеровцев. Двое подошли вплотную, взяли его за руки, чтобы развести их в стороны и обыскать пленного, и только теперь Шелестов увидел, что у капитана за поясом под пиджаком торчала противотанковая граната, а на пальце руки, которую немцы отвели в сторону, виднелось кольцо предохранительной чеки. Шелестов опустил голову. Взрыв был такой силы, что земля вздрогнула под ногами, сверху посыпалась штукатурка, какой-то мусор, упало несколько обломков кирпича. А на площади в рассеивающемся дыму и плотном облаке поднявшейся пыли виднелись тела немцев, разбросанные взрывом.

Кивнув Буторину, Максим стал осторожно пробираться по битому кирпичу в сторону соседней улицы.

Последними пришли Сосновский и Коган. Здесь, на окраине города, вдали от железнодорожного узла и мостов через Десну, почти не было патрулей. Местных жителей тоже было мало, потому что во время боев частный сектор на окраине города выгорел почти полностью. Сейчас пространство вокруг заросло дикой сливой, кустарником, где-то поднялись кривые березки. Многие дома стояли без крыши, с почерневшими стенами, а от других остались лишь печи и печные трубы. Здесь в крепком, чудом уцелевшем сарае группа и устроила себе базу. Местность отсюда хорошо просматривалась. Погреб был большой и глубокий, но воронка от снаряда едва не повредила сарай, который чудом устоял. Но зато теперь после часа работы уда-

лось прокопать ход из погреба в эту воронку. А от нее, прикрываясь кустарником, можно было выбраться в большой овраг, уходящий широкими крыльями на юг от города.

– Где вы запропалились? – спросил Шелестов и с удивлением посмотрел на странный узел из старой цветастой простыни в руках своих товарищей.

– Да вот, подвернулось по случаю достать обновку, – засмеялся Коган, развязывая узел и доставая из него немецкий офицерский мундир.

Сосновский вошел следом и бросил на дощатый пол офицерские сапоги. Буторин сразу поднялся со своей лежанки. Глаза его загорелись от азарта. Он принялся осматривать форму в поисках дырок от пуль или следов крови. Сосновский мельком глянул на него и уселся за стол, доставая из кармана немецкие документы.

– Не ищи, не найдешь. Все целехонько. Чисто мы с Борисом сработали. Руками ударили гада. Уж очень мне понравилось, что он мордой на меня похож. И фотографию можно не переклеивать. Вот постричься на такой же манер не мешало бы. А то у меня «модельная», а у него классический «полубокс». Гауптман Юрген Бойтель, заместитель начальника управления политической пропаганды рейхскомиссариата. Направляется в группу армий «Центр» для консультаций по ведению пропагандистской работы среди местного населения. Хм, в комендатуре еще не отмечился!

– Стоп, Миша! – Шелестов остановил Сосновского. – Это чистойшей воды авантюра. Нам не обязательно светиться официально в городе. Мы не уверены, что он прибыл один. Вдруг их целая команда прибыла? И ты придешь к ним и сразу попадешь в лапы гестапо. Лучше будет, если мы незаметно будем наблюдать за теми несколькими объектами, в которых фашисты могут разместить тюрьму.

– Ты сомневаешься в моем немецком языке? – с улыбкой спросил Сосновский. – Или в моем опыте? Поверь, я не меньше принесу пользы для нашей операции, если стану входить в контакт с немецкими офицерами.

– Да знаю я, – оборвал Михаила Шелестов. – И в твоём опыте не сомневаюсь. Я просто хочу свести потери к минимуму. Один неосторожный шаг – и мы потеряли Анохина и связника. И теперь вся операция вообще под большим вопросом. Ни связи, ни помощи! Сейчас каждый член группы на вес золота.

– Максим, – Буторин посмотрел на командира. – Михаил хорошо придумал. Просто наблюдая, мы просидим здесь месяц, а за это время на фронте черт-те что может произойти. Нет у нас времени беречься.

– Это лишний шанс выполнить задание, – поддержал Буторина Коган. – Хороший шанс, хоть и рискованный. Мы все рискуем одинаково, в любой момент нелепая случайность, которую нельзя учесть и предвидеть, может испортить все дело. А тут продуманный вариант, похожее фото, великолепное знание языка, даже берлинский диалект.

– Черт бы вас побрал, – пробормотал Шелестов.

Он понимал, что осторожность, которая для членов группы сейчас кажется излишней, вызвана в том числе и зрелищем гибели Анохина. Пониманием, что с гибелью капитана выполнение задания осложнилось до предела. «Ребята правы, – подумал Шелестов. – Выхода у нас нет. И даже возможность героически погибнуть для нас исключена. Только выполнение задания. Без вариантов».

– Ладно, хватит меня агитировать, – проворчал Максим. – Согласен, вариант хороший, и с документами повезло. Такое бывает очень редко. Где вы его взяли, этого гауптмана?

– Он шел по улице и искал адрес, сверял по какой-то бумажке номера домов. Мне сразу его лицо понравилось, он чем-то на меня похож. Я представил, как он выглядит на фото в документах, и понял, что это наш клиент. Потом нам повезло, что этот гауптман свернул как раз в переулок, где меня ждал Борис.

– Вы что, труп бросили в развалинах в черте города? – нахмурился Буторин.

– Ты что, смеешься? – покачал Коган головой.

– Я обогнал немца по другой стороне улицы и остановился возле проема, за которым ждал Борис, – продолжил рассказывать Сосновский. – Сказал Борису, что берем офицера, а сам стал изображать, что ишу спички по карманам. Когда гауптман подошел, я на великолепном немецком попросил у него прикурить. Разговорились. Он даже не стал документы у меня спрашивать, так купился на мое произношение. Он сказал, какую улицу ищет, я пообещал показать, и мы пошли, болтая о веселом довоенном времени в Берлине и Бремене. В какой-то момент я сказал, что вот так через развалины короче, а там Боря нас ждал. Ну, повязали, объяснили, что жить ему пять секунд, если попытается шуметь, и повели через развалины к пригородам. Успокоил его, что сохранию жизнь. Ну а у реки – дело техники. И тело с камнями на дно.

– Не хватятся этого Бойтеля в городе?

– Нет. Я же все у него выяснил, прежде чем прикончить. У него письмо было от матери. Она просила разыскать свою подругу молодости, обрусевшую немку, которая перед войной осела в Брянске. Он даже не успел зарегистрироваться о прибытии в комендатуре.

– Такое везение бывает раз в жизни, – тихо сказал Буторин. – Немец, немецкий гауптман, и такой недисциплинированный.

– Хотя он не обязан регистрироваться в комендатуре, – усмехнулся Сосновский. – Его ранг в системе политической пропаганды позволяет прибыть сразу к месту дислокации части или в ведомство, в которое он должен явиться согласно своей командировке. Это нам тоже на руку.

– Хорошо. Давайте теперь по наблюдениям. Ты, Виктор?

– Я нашел три места, которые, судя по всему, могут использовать для содержания арестованных. Первое – это доходный дом купца Смурова. Каменное здание с жилым вторым этажом. На первом размещаются магазины и складские помещения. Я так понял, что там мощные подвалы с арочными потолками, которые выдержат даже бомбежку. Собственно, и выдержали. Второе – здание госбанка. Там приличные подвалы-хранилища и система дверей и решеток по первому разряду. Ничего и менять не надо. А третье – городское отделение милиции. Здание немного повреждено, но большая часть цела, а там в подвале есть камеры предварительного заключения. Может быть, из-за повреждений несущие конструкции пострадали и в подвалах находится опасно, но наблюдать надо.

– Согласен, я тоже думал о здании милиции и понаблюдал за ним, – согласился Шелестов. – У тебя что, Михаил?

– Школа. Есть новое кирпичное здание с мастерскими в подвале. Вполне можно использовать для содержания арестованных. Там какая-то военная администрация расположилась. Больше пока ничего не выяснил.

– У меня конюшня, – добавил Коган. – Добротная совхозная конюшня. Там пытались, как я понял, до войны разводить элитные породы лошадей. Загоны дубовые. Под камеры их подогнать можно легко. Точка для наблюдения есть хорошая.

– Еще идеи есть? – спросил Шелестов. – Нет? Тогда приказ такой. Разделимся и ведем наблюдение в течение трех дней. На что обращать внимание, напоминать не буду. У каждого большой опыт ведения разведки, каждый в состоянии определить, используется помещение под тюрьму или нет. И кого там содержат. Своих арестованных немцы в любом случае не станут содержать с арестованными подпольщиками, уголовниками или евреями. Только наблюдать, только делать выводы. Через три дня нам надо иметь данные о содержании арестованных и начинать разработку плана по захвату. Каждый лишний день может приближать катастрофу.

Буторин лежал в разрушенном дверном проеме разрушенного четырехэтажного здания. Здесь, на верхнем этаже, обзор был великолепный. И даже в такой пасмурный день видимость

отличная. Собственно, именно пасмурной погоде Виктор радовался больше всего. Не будет бликов от его бинокля. Рассмотрев во всех деталях здание бывшего советского банка, разведчик убедился, что внутри располагается не гражданская организация и не банк. Много офицеров, и только у входа два солдата. Подъехала машина. Виктор записал марку, номер и количество вошедших в здание офицеров, а также их звание. Еще машина, теперь уехал какой-то майор. Штаб? Вряд ли. Если здесь штаб, то движение было бы больше и звания повыше. На штаб мелкого подразделения уровня батальона не похоже. Да и нечего ему в городе делать. Тыловая структура вермахта? Возможно! Подобраться бы поближе и разглядеть эмблемы и знаки различия на рукавах и погонах немцев.

Больше часа никакого движения, и Буторин стал рассматривать окрестности. Наблюдая за зданием бывшего банка, он пытался найти в пределах видимости бинокля еще и другие, которые немцы могли использовать под тюрьму. Но в основном в округе были лишь жилые дома, в большинстве своем разрушенные полностью или частично.

Рокот двигателя привлек внимание, и Виктор снова повернулся к зданию банка. Грузовик, крытый брезентом, подъехал к входу здания и остановился у самой двери. Так не вставала ни одна машина. Может, сейчас будет разгрузка какого-то тяжелого груза и поэтому так близко от двери поставили машину, чтобы лишнего не таскать? Но нет, немцы так делать не будут. Если положено вставать в двух метрах от стены, они будут это делать, и хоть ты тресни. Тяжело? Значит, носить будут не двое, а пятеро, на тележке возить, но нарушать инструкцию никто не станет.

Разгадка оказалась простой. И если бы Буторин не сидел так высоко, он бы не увидел происходящего. А теперь... Буквально через несколько секунд после того, как остановилась машина, из двери выбежали два солдата и ловко открыли задний борт. Они остались стоять, озираясь по сторонам. Ясно, что охранники. А из двери, подталкиваемые стволами автоматов охранников, выбегали люди и запрыгивали в кузов. Один, второй, третий. Всего Буторин насчитал шестерых в немецких армейских шинелях без ремней. Этих шестерых загнали в кузов, за ними следом забрались десять автоматчиков, и борт закрыли. Машина тронулась, и следом из переулка выскочили шесть мотоциклов с колясками. В каждой коляске пулеметчик. «Ну вот и все, – удовлетворенно подумал Буторин. – Вот вы и нашлись, голуби! А четко сработано! Ни одной лишней секунды, никаких признаков подготовки. Даже охрана на мотоциклах не торчала на улице и не светилась следом за грузовиком, когда ехали сюда. Стояла в переулке и четко, когда потребовалось, секунда в секунду появилась, и машина тронулась в путь».

Виктор отметил время, записал его в блокнот для доклада и устроился поудобнее, чтобы ждать возвращения арестантов в немецкой форме. Куда их повезли? Видимо, на допрос. Или в гестапо, или в штаб-квартиру абвера. Могут вернуться через пару часов, а могут вообще сегодня не вернуться. Смотря какие следственные действия там будут проводиться. Эх, проследить бы за грузовичком и понять, куда этих людей повезли. Нашарив рукой трофейный немецкий термос с кофе, Буторин стал наливать себе в чашку бодрящий напиток, но тут же замер. Сверху ему была хорошо видна и соседняя улица. И там какой-то парень в серой куртке с капюшоном, с очень светлой подкладкой, прятался за развалившейся кладкой стены. Кисть левой руки замотана грязным бинтом. И что он высматривает? Ах вот оно что! У самых развалин немецкий солдат копался в моторе мотоцикла. Пытался завести его и снова садился на корточки перед мотором. И этот парень в куртке и с перевязанной рукой явно подкрадывался к этому немцу. Вот дурак. Он решил в городе нападать на немцев. Да его тут в два счета схватят или пристрелят.

Но парень не спешил. Он подобрался уже на расстояние метров пять и замер за кучей битого кирпича. Продолжая периодически осматриваться по сторонам, Буторин не выпускал из поля зрения и этого парня. Мимо мотоциклиста то и дело проезжали легковые машины, пару раз грузовики. Немец-водитель остановился и что-то спросил у мотоциклиста. Видимо, осведо-

мился, не нужна ли ему помощь. Тот только покачал головой и махнул рукой. Машина уехала. Прошли трое стариков с детской коляской, наполненной какой-то рухлядью. На несколько минут улица оставалась безлюдной. «Эх, – подумал Буторин. – Если нападать, то только сейчас. Нет у парня боевого чутья!»

Но чутье у незнакомца с перевязанной кистью руки нашлось. Парень напрягся, словно пружина. Даже с такого расстояния Буторин понял, что тот нападет. И точно! Немец обошел мотоцикл и на какое-то время оказался спиной к развалинам. И тут же незнакомец выскочил и чем-то с силой ударил мотоциклиста по голове. Фашист повалился мешком на землю, а нападавший ловко сорвал с его плеча автомат, расстегнул ремень на шинели и выдернул его из-под немца вместе с подсумками с автоматными магазинами. Еще несколько секунд – и он скрылся в развалинах. Немец зашевелился, держась за шею, стал подниматься и снова упал. Он снял каску и сел на камни, держась за голову.

Через пару минут на улицу выехали несколько мотоциклистов. Они сразу остановились возле раненого, двое подбежали к нему, стали что-то выяснять. Немец махнул рукой в сторону развалин. Мотоциклисты вышли на середину улицы, встали в шеренгу и открыли по развалинам автоматную стрельбу. Они выпустили каждый по обойме, перезарядили оружие и двинулись цепью прочесывать развалины. «Успеет скрыться или не успеет», – думал Буторин. Он с уважением подумал о храбрости этого паренька. Отчаянный и бесстрашный. Жаль, если убьют, из таких, если они дружат с головой и умеют оставаться хладнокровными, получаются хорошие бойцы.

Сказать, что Сосновский был пьян, – означало не сказать ничего. Он был пьян в стельку, в дымину! Пытаясь старательно непослушными пальцами застегнуть шинель, он уже в который раз бросал это занятие и лез обнимать светловолосого круглолицего немецкого майора. Они стояли с майором на ступенях офицерского клуба и никак не могли расстаться. Шелестов стоял в темной арке дома напротив и ждал, злясь на Михаила за то, что тот долго возится с фашистом. Но Сосновский не торопился. Они стояли с немецким майором друг напротив друга и что-то с жаром обсуждали, то и дело поднося палец к своим губам. Как будто напоминали, что лишнего болтать нельзя. И что это великая тайна. Лишь бы Михаил не надумал этого немца убивать, после того как два десятка немецких офицеров видели их вместе. Нет, Сосновский опытный разведчик, он все рассчитал. Но как он умеет контролировать себя в таком состоянии? Сколько же они там выпили с майором?

Наконец к клубу подъехала машина, и майор стал тянуть Сосновского ехать с ним, Михаил упорно сопротивлялся и отказывался. Наконец ему удалось затолкать майора в салон, и машина уехала. Сосновский постоял немного на ступенях. Приглядевшись, Шелестов понял, что разведчик умело и незаметно осматривается. Затем застегнул шинель и двинулся по улице в условленном направлении. Его обогнали два мотоциклиста, потом легковая машина, и на какой-то миг на улице стало пустынно, и Сосновский сделал неуловимый шаг в сторону и исчез в арке дома.

– Михаил, ты с ума сошел? – принялся отчитывать Сосновского Максим. – Ну что за ребячество, что за спектакль?

– Никакого ребячества, – совершенно трезвым голосом заявил Сосновский. – Выхода другого не было, не поверил бы майор в мои откровения и сам бы не стал откровенничать. Только необъяснимый порыв, дружеское расположение и много общего во взглядах на мироустройство.

– Он что-то знает? – насторожился Шелестов.

– То-то и оно! – устало улыбнулся Михаил. – Этот майор тыловик. И он устал от войны, от постоянного ощущения опасности. Ему приспичило выговориться и надоело пить одному. А я второй день с ним «заливаю за воротник». Он проболтался, что ему приходится выделять

содержание на арестованных и ему влетело за то, что он кормил их, как и всех военнослужащих вермахта. А они арестованные, среди них враг или все они враги. А он приказал привезти им еду в термосах из общего котла, как и всем солдатам вермахта.

– Так и сказал?

– Буквально слово в слово. Это единственный раз, когда он почти открыто признал, что ведет разговор об арестованных немецких солдатах.

– А место? Про место содержания он не сболтнул? – Шелестов схватил Михаила за рукав шинели.

– За кого ты меня принимаешь, – тихо засмеялся Сосновский. – Он сказал, что русские не умеют строить. Что за ступени, что за освещение? Они считают, что множество решеток – защита от грабителей. Должна быть одна, но надежная толстая дверь – и все. А они наворотили. Как ты думаешь, Максим, о чем он говорил спьяну?

– Банк? – с довольным видом подхватил Шелестов. – Думаю, речь шла о банке. Пошли на базу, соберем необходимую информацию и будем планировать операцию.

– Не спеши так, – простонал Сосновский. – Ты забыл, что я накачался спиртным по самые уши. Быстро идти не могу. Не смотри так, я шучу!

Когда стемнело, в сарай вошли Коган и Буторин. Шелестов сразу же вопросительно посмотрел на своих товарищей. Коган только махнул рукой, а Виктор уселся за стол, стал ломать руками хлеб, совать в рот и, жуя, рассказывать.

– Кажется, есть. Не точно, но, по крайней мере, это уже что-то. Нужно еще хотя бы одно косвенное подтверждение, что мы нашли то, что искали. Сегодня утром из здания бывшего советского банка на машине очень оперативно и умело вывезли шестерых немецких солдат. Судя потому, что с ними была охрана и они были без ремней, это арестованные...

– Вот тебе и косвенное подтверждение, – кивнул Сосновский.

Буторин непонимающе посмотрел на него, потом на Шелестова. Максим коротко пере-сказал ему результат разработки Сосновским одного немецкого майора, который сказал лишнего в пьяном виде. И теперь получалось, что именно в здании банка держат арестованных солдат, тех, кто выжил после нападения на охрану адъютанта фельдмаршала. Ни Коган, ни сам Шелестов признаков, что где-то еще держат арестованных немцев, не заметили.

– Ну что же, – Буторин с довольным видом потер руки. – Тогда цель уже ближе. По крайней мере, она уже видна. Сегодня, кстати, один паренек среди бела дня напал на немецкого солдата, долбанул его по голове и забрал автомат с патронами. Не думаю, что действовал подпольщик. Скорее одиночка, который решил бороться с врагом. Хотя если немцы разгромили в городе подполье, то паренек может быть одним из выживших подпольщиков. Толковый паренек. Немцы его не догнали, я бы услышал стрельбу, он бы стал отстреливаться и не сдался бы.

– Тогда план таков, товарищи! – заговорил Шелестов. – Михаил, ты в форме и с приличными документами. Теперь, я думаю, можно рискнуть. Поищи подходы к зданию, где содержатся солдаты. Ты, Виктор, продолжай наблюдать за зданием, прикинь варианты нападения на конвой и возможность отбить Майснера. Запоминайте приметы. Анохин успел мне описать его приметы, на случай если придется действовать без него. Увы, так и получилось! Запоминайте. Мужчина тридцати двух – тридцати пяти лет, среднего роста, крепкого телосложения, стрижка короткая, военного образца, волосы темно-русые. Глаза серые, нос прямой. Губы широкие.

– Стандарт, – недовольно сказал Буторин. – Под такое описание из любой толпы за минуту можно надергать два десятка претендентов.

– Есть и характерная примета, – добавил Шелестов. – Шрам в районе левого виска.

– Это уже лучше, – заявил Сосновский. – Но без помощи партизан или подполья нам не обойтись. Просто так за машиной с арестованными следить сложно. Без прикрытия, без легенды.

– Есть один контакт, – помолчав, ответил Шелестов. – Платов дал мне его перед самым отлетом и сказал, что это связь на самый крайний случай. На самый!

– Самый крайний случай у нас будет тогда, – веско заметил Буторин, – когда мы получим портфель и будет очень большая проблема вырваться отсюда. Потому что весь город будет на ушах стоять, немцы пронюхают, что мы получили документы и что можем их вывезти из города. Этого они не допустят любой ценой. Даже если им придется целиком спалить из огнеметов город со всем населением и домами.

– Образно, но Виктор прав, – согласился Коган. – На ушах стоять будет весь город и все командование. Но вот крайним случаем я считаю как раз наше положение сейчас. Без помощи людей, знающих город, ориентирующихся здесь, имеющих хоть какие-то связи, нам не обойтись.

– Что ж, я согласен, – кивнул Шелестов. – На встречу пойдет Буторин.

– Есть, – ответил Виктор.

– Смотри, Виктор, при малейших сомнениях сразу уходи. Прекращай контакт или подготовку к контакту, если есть сомнения.

Ночь была темной, хоть глаз выколи. Пасмурное небо вот-вот разрядится затяжным холодным весенним дождем, на которые горазд апрель. Буторин посмотрел вверх, но неба не увидел. Только чернота над головой, которая сливалась с чернотой вокруг. Дождь нам не нужен. «В дождь сложнее убежать и прятаться, – подумал он. – Давай-ка, матушка-природа, ограничимся темнотой».

Здесь город переходил в рабочий поселок деревообрабатывающего комбината. Дома сплошь деревянные, однотипные. В начале войны комбинат сгорел, сгорело большинство домов. От поселка почти ничего не осталось, а те, кто выжил во время прохождения фронта, ютились поближе к городу в уцелевших домах и подвалах.

Буторин постоял, прислонившись к столбу и вглядываясь в темноту. Ни собак, ни света фонарей. Сплошь чернота и мрачное уныние. «А чего ты хотел? – подумал Виктор сам о себе. – Враг пришел, злодей, которому не нужно население, не нужны лишние рты. Он хочет захватить нашу землю, обезлюдить ее и заселить своими упырями-арийцами. Убийцы!»

Постояв, Виктор двинулся вдоль стен домов уцелевшей части улицы. Насколько он помнил схему, нарисованную им самим же, до нужного ему дома необходимо миновать два деревянных и один кирпичный дом. Следующий двухэтажный с обвалившимся углом и будет номер 12-й. Он часто останавливался и прислушивался к тишине, которая в непроглядной темноте становилась какой-то ватной по ощущениям. Казалось, что в этой ватной темноте тонули и вязли все звуки. Звуки все же были, и от этих звуков становилось спокойнее. Есть звуки – есть жизнь, есть ощущение реальности. Пусть и ненавистные звуки, звуки моторов вражеских мотоциклов и машин. В темноте хриплый женский голос позвал домой Матюшку, и тут же женщина закашлялась туберкулезным кашлем.

Следить за Буториным в такой темноте, скорее всего, никто бы не смог. Это добавляло уверенности. Он прошел вдоль дома с темными окнами. Где-то внутри была жизнь, просто не у всех имелась возможность зажигать свет. Электричество отсутствовало, свечи дорогие, керосин не достать, а жечь лучину не было необходимости. Но в четырех окнах свет все же был. В трех на втором этаже и в одном на первом. Это окно как раз и было нужно Буторину. И этот момент контакта был самым опасным. Если не следили за самим разведчиком, то могли следить за подпольщиком, который находился в конспиративной квартире, за самим связником. Буторин не стал подходить к окну. Он уселся поудобнее на бревнах, сливаясь с забором, и стал ждать. Слежка, какой бы она ни была, чаще всего рано или поздно себя выдаст. Когда день за днем, неделю за неделей сидишь в засаде, пропадает ощущение осторожности, вера в то, что ты кого-то дождешься. И тогда происходит сбой. Наблюдатели начинают вести себя

вольно, потихоньку нарушают инструкции. Покуривают, справляют нужду, пьют кофе или что-то покрепче. А это лишние звуки и запахи.

Буторин просидел так, не шевелясь, часа четыре. Внутренние часы подсказывали, что времени уже около двух часов ночи. Ни звука, ни движения. Да еще и свет в нужном окне пропал. Значит, связник лег спать. Сегодня ему точно не было причин ждать его. Держа пистолет наготове, Виктор подошел к темному окну, мягко отвел назад курок, навел дуло на окно и несколько раз стукнул в оконную раму. В стекло стучать нельзя. Звук звонкий, в ночи далеко будет слышен. Выждав паузу с полминуты, Буторин снова стукнул несколько раз условным стуком: три удара, два удара, еще два и один. Наконец изнутри раздался ответный стук: три удара, потом еще три.

Теперь ждать. Таков пароль. Не дождешься – значит опасность, ответят – значит опасности нет. А дальше условные фразы. Буторин ждал минут десять, замерев у окна и напряженно вслушиваясь в ночь. Наконец окно тихо отворилось. Немного, лишь оставив небольшую щель пальца в четыре. Мужской голос тихо спросил:

– Побираться пришел? Еды нет, сами голодаем.

– Голодный голодного на улицу не выгонит, – ответил Буторин, старательно выговаривая каждое слово.

– Сколько ты уже не ел? – спросил голос без всякого выражения.

– Одну неделю, шесть дней, пять часов и четыре минуты, – перечислил Буторин цифры в порядке убывания.

– Здесь не подают, – снова ответил голос. – Приходи через двенадцать дней в одиннадцать часов дня.

Напряжение внутри отпустило. Все, пароль совпал. Слова, обозначающие опасность или провал, не прозвучали. Ошибок не было. Голос велел подойти к двери и ждать. Хозяин сам откроет и впустит ночного гостя. Нет уж, решил Буторин, и остался ждать у окна. Здесь было удобнее всего таиться. Отсюда он в два прыжка скроется за углом этого дома, а там развалины и овраг. А у дверей дома он будет торчать как водонапорная башня в чистом поле. Дверь без скрипа открылась. Это Виктор уловил боковым зрением. Он повернул голову. В проеме, едва видимый в ночи, стоял мужчина в накинута на плечи пиджаке. Увидев, как гость отделился от стены и подошел к нему, он посторонился и пропустил Буторина внутрь.

Они прошли в полной темноте до двери, где хозяин остановил Буторина, давая возможность нащупать дверь и войти. Он зажег керосиновую лампу, и Виктор смог оглядеться. Жилище с разномастной мебелью, видимо, принесенной из разрушенных домов. Печка-буржуйка, окно, большей частью забитое фанерой из-за разбитых стекол. Там, где стекла имелись, они были закрыты газетами. Хозяин, небритый лысеющий мужчина с хмурым морщинистым лицом, уселся на стул и предложил гостю сесть. Буторин присмотрелся. На вид лет шестьдесят, но глаза живые. Нет, он моложе, лет пятьдесят, просто война старит людей. Очень старит.

– Кто вы? – рассматривая в свою очередь гостя, спросил мужчина. – Оттуда? Простите, нельзя спрашивать, а вам нельзя отвечать. Просто соскучился по своим. Тут такое было. Все последние месяцы...

– Разгромлено подполье? – понимающе кивнул Буторин.

– Да, большие потери, как я понял, – ответил мужчина. – Но я не вхожу в руководство, я просто связник. Так что истинного положения дел не знаю. Только могу догадываться. Слышал, что партизан крепко потрепали. Так что вам нужно, какая помощь требуется? Я единственный, кто все это время был не у дел... сказали, что я «законсервированный».

– Как мне вас называть?

– Матвейчем, как и все меня зовут. Я тут сапожным мастером работаю. У меня ларек на углу. Тем и живу. И для связи удобно.

– Нужна помощь, Матвейч. Есть у вас несколько толковых ребят в городе?

Снаружи раздался стук в оконную раму, и, как показалось Буторину, это был стук не простой, а условный. Он посмотрел на Матвейча, и рука разведчика скользнула под пиджак к пистолету. Тот успокаивающе кивнул.

– Это Пашка. Не волнуйтесь. За этим прохиндеем глаз да глаз. Такого еще ни один немец не мог поймать или проследить за ним. Подойдя к окну, Матвейч что-то шепнул и закрыл окно. Буторин на всякий случай отошел к стене и встал за дверью, держа пистолет наготове. Тихие шаги в коридоре, а потом открылась дверь, и в комнату вошел невысокий паренек лет девятнадцати.

– А ты лихой парень, Пашка! – громко сказал Буторин, убирая пистолет. – Отчаянный. Значит, не догнали тебя мотоциклисты?

Парень удивленно уставился на незнакомца, его рука дернулась под куртку со знакомой светлой подкладкой. Рука перевязана уже чистым бинтом. Пашка посмотрел на Матвейча, потом на незнакомца. Хозяин похлопал парня по плечу.

– Это свои, Павел, не бойся. Садись, давай я тебе чаю налью. А что за разговор-то, про каких таких мотоциклистов?

Парень недовольно поморщился, услышав вопрос, но деваться было некуда. Неизвестно только, откуда этот гость все знает. А может, он из гестапо? Нет, Матвейч его в два счета раскусил бы. Казалось, все эти мысли промелькнули на лице Пашки. Для Буторина они не стали загадкой. По лицам он читал хорошо. Тем более по таким неопытным, не умеющим скрывать эмоции.

– Было дело вчера, – засмеялся Буторин. – Пашка на улице напал на немецкого мотоциклиста, который у развалин возился с мотором. Ударил, забрал автомат и смылся. За ним погнались несколько человек, да вот, видать, не смогли догнать.

– Опять ты за свое? – хмуро начал было Матвейч, но потом решил при госте не ругать паренька. – Ладно, потом поговорим. А сейчас лучше вот прими новое назначение. Дело есть важное и настоящее. Познакомься, этот товарищ прислан к нам для важной операции, и ему нужны помощники, которые хорошо знают город.

– Я знаю город, – загорелись глаза у Пашки. – Весь вдоль и поперек облазил. Уже с начала войны облазил и знаю, где пройти, а где нет, где патрули шастают, а где редко бывают.

– Хорошо, Пашка, – Буторин поднял палец и погрозил: – Но чтоб теперь без мальчишества, без бестолкового риска. Не привлекать внимания!

– А риск не бывает бестолковым, – набычился Пашка. – В борьбе с фашистами все способы хороши. Хоть одного уничтожить – и уже польза для Родины! Хоть один, а уже не будет в советских людей стрелять, уже не будет топтать нашу землю.

– Ты рассуждаешь как простой солдат. А должен смотреть вперед. Ты партизан, ты и солдат, и командир. Даже и генерал на своем участке фронта, а он у тебя непростой и очень важный. Ты учишься думать стратегически. Ладно, когда тебе поручили простое дело – что-то взорвать. Пусть тебе операцию спланировали, а ты только сделал, что приказали, а вот когда ты один в городе воюешь, то думать надо о многом. Один солдат фашистский он так и останется одним, а воевать надо так, чтобы ущерб был врагу больше, чтобы враг боялся твоих дел.

– Да, – кивнул Пашка, сосредоточенно глядя куда-то в стену. – Это вы правильно говорите! Слишком просто пойти и убить одного врага. Надо думать, как одним ударом убить многих, а еще лучше нанести такой ущерб, который повлиял бы на многое. Стрелять, взрывать так, чтобы враг опомниться не мог, чтобы ему страшно стало. Нечего ему делать на нашей земле!

Глава 3

Пашка кому-то махнул рукой и скрылся в развалинах. Через минуту он появился, оборванец оборванцем. Ватная куртка, штаны с дырами на коленях, разбитые башмаки. Типичный беспризорник, которыми была наполнена страна в годы Гражданской войны. Шелестов улыбнулся, рассматривая маскировку Пашки.

– И большая у тебя группа, артист?

– А вам не положено знать, – со смехом заявил парень. – Вы их не знаете, они вас не знают.

– Быстро уроки усваивает, – одобрительно сказал Буторин. – Ладно, герой, рассказывай, что удалось узнать.

– Они своих арестованных солдат возят на допросы в гестапо. Это на Огородной улице в здании школы-интерната. Отсюда шесть кварталов. Возят один или два раза в день. Чаще вечером, но иногда и утром. Иногда по пять-шесть человек, чаще по одному или по двое. Охрана всегда одинаковая. Десять автоматчиков в кузове. С водителем в кабине сидит старший. Бывает, что следом за грузовиком едут шесть мотоциклов. Два мотоцикла с пулеметами, на остальных водитель и автоматчик на заднем сиденье. Но это только когда много арестованных везут. А когда один или два, то и охраны меньше, только автоматчики в кузове.

– Понятно. Маршрут меняется или всегда одной дорогой ездят?

– Всегда одной дорогой. Многие улицы не расчищены после обстрелов. Другой дороги и нет. Если только в объезд через мост и дальнюю часть города.

– Откуда приезжает охрана? – спросил Буторин. – И всегда ли в одно и то же время?

– Да в одно и то же. Утром машина забирает арестованных без пятнадцати десять, вечером в пятнадцать минут пятого.

– Майснера возят на допрос вечером, – подсказал Буторин. – Видел я человека со шрамом на левом виске. Правда, головной убор немного скрывал, но я заметил шрам. Два раза его и еще двоих арестованных возили как раз вечером на допрос. Не факт, что и в нужный нам день повезут вечером, так что надо иметь возможность отменить операцию по захвату в любой момент, как только станет ясно, что Майснера в машине нет.

– Слушай, Пашка, – Шелестов прищурился и посмотрел в глаза парню. – Ну-ка признавайся, сколько сможешь набрать помощников?

– Сколько надо! – с таким же прищуром ответил парень.

– Ну-ну, не геройствуй! – строго сказал Шелестов. – Нужны еще три человека. Толковые ребята, без лихачества, которые умеют быстро бегать и хорошо знают город.

Операция была рассчитана с точностью до нескольких секунд. Машина всегда идет с одной скоростью, в городе нет большого движения, нет заторов на перекрестках. Улица, по которой едет машина с арестованными, расчищена так, что спокойно могут разъехаться встречные грузовики. Шелестов был уверен, что в любом месте маршрута машина будет находиться в то время, которое он вычислил.

По плану в определенное время, когда грузовик будет находиться в ста метрах от развалин дома, там произойдет взрыв, и на дорогу рухнет кусок стены. Наверняка водитель оставит машину. Наверняка автоматчики выпрыгнут из кузова и станут осматриваться, ожидая нападения. Вот тут группа и нападет, перебив небольшую охрану, стреляя из нескольких точек вокруг места предполагаемой остановки. Возможно, Майснер сам поймет, что у него появился шанс бежать, или Сосновский добежит до машины и предупредит его, что нападение совершено с целью его освобождения. Затем группа будет расходиться в разных направлениях. Пашкины мальчишки должны будут произвести много шума и поднять стрельбу, чтобы немцы дви-

нулись в этом направлении преследовать нападавших. Дальше они побросают оружие и удержат своими тайными тропами и спрячутся.

Но четко распланированная операция вдруг пошла совсем не по плану. Шелестов лежал с автоматом за камнями и покусывал губу. Буторин сообщил, что Майснер в машине, он там один с шестью автоматчиками. Это хорошо. Вот сейчас машина минует последний перекресток, на котором еще можно было бы свернуть, и выйдет на последний прямой участок улицы. Поравняется со сгоревшим кузовом легкового автомобиля, и впереди должен произойти взрыв. И взрыв грохнул, но не там, где его должен был устроить Коган. Раздался грохот, и клубы дыма и пыли вырвались в десяти метрах перед машиной. Грузовик резко остановился, и из него высыпали солдаты. Водитель и унтер-офицер, сидевший на переднем сиденье, распахнув двери, бросились на землю, ожидая атаки. Что за взрыв, кто его произвел? Неужели сработал какой-то боеприпас, застрявший в развалинах и не взорвавшийся во время боев? Другого объяснения случившемуся Шелестов в этот момент придумать не мог. Надо стрелять. Черт, Коган и Сосновский далеко. Буторин на месте, но это всего два автомата, а стрелять должны четыре. И мальчишки могут не понять, что произошло, и начать действовать как-то не так.

Выругавшись последними словами по поводу дурацких случайностей, которые бывают в жизни и из-за которых рушатся планы и гибнут люди, Максим нажал на спусковой крючок. С другой стороны улицы послышались очереди автомата Буторина. И в этот момент сквозь непроглядную пыль, поднятую взрывом и обрушившимся куском стены, Шелестов успел заметить, как из кузова машины метнулась фигура человека. Там оставался только один солдат. Невооруженный, в шинели и без ремня. Это Максим успел разглядеть. Автоматчики заметили бегство и открыли огонь по арестованному, но тот уже скрылся в развалинах. Только бы Сосновский успел догнать Майснера! К выстрелам добавились автоматные очереди Пашкиной «гвардии», где-то послышался треск мотоциклетных двигателей. Теперь отойти бы без потерь! Только бы мальчишки не начали геройствовать!

Сосновский лежал за грудой битого кирпича, на которую упало несколько обломков бревен и досок деревянного межэтажного перекрытия. Вжавшись в холодный камень, он сидел там как в блиндаже и ждал, когда пройдет машина, когда впереди прогремит взрыв и машина остановится. Его задача была самой сложной и самой опасной во всей сегодняшней операции. Михаил должен был убедиться, что охрана перебита или разбежалась, что в кузове никого, кроме Майснера, нет, и он должен по-немецки убедить арестованного унтер-офицера в том, что русские пришли его спасать, чтобы он бежал из машины, пока его прикрывают. И если Майснер сам сообразит, что у него есть шанс спастись, и бросится бежать, то Сосновскому предстояло его догнать и убедить в том, чтобы он пошел с ним.

Но машина даже не доехала до места, где прятался Сосновский. Прогредел взрыв! Слева, а не справа. Михаил зло стиснул зубы. Значит, что-то пошло не так. Нет времени думать о возможных причинах случившегося, надо ориентироваться во вновь сложившейся ситуации и понять, как действовать дальше. В большую щель между кирпичами он видел машину в огромном облаке пыли, видел, как солдаты в этой пыли покидают машину и открывают огонь. Ага, значит, Шелестов и Буторин стреляют в них. Что делать? Помочь им огнем? Ни черта не видно!

И тут выше голов автоматчиков, которые лежали на земле, а кто-то стоял на одном колене и ожесточенно отстреливался, мелькнула фигура человека. Он выпрыгнул из кузова и бросился к развалинам, где совсем недавно прогредел взрыв. «Черт, Майснер!» – чуть не в голос воскликнул Сосновский. Да что же сегодня за день такой! Михаил вскочил и, пригибаясь, тоже бросился в развалины, стараясь бежать параллельно тому направлению, в каком двигался и Майснер. «Стой же ты!» – повторял про себя Сосновский, продолжая бежать и прислушиваясь к стрельбе за спиной. Сейчас он должен услышать, как стреляют вслед Майснеру и ему

самому, если его заметили. Наверняка заметили! Сейчас начнут свистеть пули. Нужно добежать вон до того проема в стене, и тогда не достанут.

– Стой, Карл, – закричал Сосновский, увидев спину Майснера. – Майснер, мы свои, мы тебя спасем! Мы русские, твою мать!

Но немец перепрыгнул через какую-то трубу и скрылся. Сосновский хотел крикнуть еще, но подумал, что Майснер может ему и не поверить и вполне может выстрелить на голос. «Какого черта я решил, что он будет стрелять? Он же безоружен». И тогда Михаил побежал быстрее, рискуя сломать ногу на битых камнях. Он увидел немца левее себя, когда тот направлялся к окраине города. Сосновский взял правее и через пару минут выскочил Майснеру наперерез.

– Стойте, Карл, – крикнул Михаил, выставляя перед собой руки и бросая на землю автомат. – Остановитесь, черт вас побери. Поверьте, мы русские, мы хотим вам помочь сбежать, хотим доставить вас в безопасное место. Мы искали вас и нашли. Вас арестовали, как и всех, кто остался жив после нападения на колонну адъютанта командующего. Мы ищем портфель, из-за которого это нападение и произошло! Вы верите мне?

Сосновский всматривался в лицо немецкого унтер-офицера, но ему приходилось смотреть и по сторонам. Он никак не мог понять, что выражают глаза этого человека, что у него на уме. Все так неожиданно произошло, что поверить в случившееся и правда трудно. Одно дело, если бы русские разведчики перебили охрану, вытащили арестованного из машины и увезли в безопасное место. Но он сбежал сам, в него стреляли автоматчики, а теперь вот неожиданно догнал человек с безупречной немецкой речью и стал объяснять, что его спасли и просят отдать портфель.

– Ну все, Карл, довольно бегать! – Сосновский постарался улыбнуться дружески, без напряжения. – Нам надо поговорить.

Михаил даже не понял, изменилось что-то в лице немца или нет. Он просто снова бросился бежать, нырнув головой под упавшую бетонную балку. Сосновский нагнулся и схватил автомат с земли, прежде чем броситься догонять, но в этот момент он увидел четверых гитлеровцев, появившихся в проеме между двумя разрушенными стенами. Выпрямляться и бежать времени не было, каждую секунду могла прозвучать автоматная очередь. Сосновский как стоял, так и рухнул на землю, перекатившись за груды кирпича. Он высунул ствол автомата и дал длинную очередь в сторону немецких солдат. Перекатившись несколько раз, Сосновский вскочил под прикрытием стены и побежал вниз к оврагу. Майснера видно не было, да и хорошо, что так. Еще не хватало, чтобы единственного человека, который последним видел этот чертов портфель, ухлопали. Лучше пусть бежит.

Спрыгнув в овраг, Сосновский пробежал по его дну и свернул в правый отрог к реке. Здесь полно выброшенных на берег маленьких судов, два разрушенных моста, полно кустарника и деревьев. Уже за корпусом небольшой речной баржи, проржавевшей насквозь, Сосновский снова остановился и стал смотреть вдоль реки и на другой берег: не покажется ли фигура в немецкой шинели и без ремня. Но Майснер как в воду канул. Зато у развалин появилось несколько автоматчиков. Они не пошли прочесывать берег. Просто стояли на краю и что-то обсуждали, энергично жестикулируя. Сосновский ждал, что сейчас автоматчики обстреляют длинными очередями берег. Это было бы логично, на случай, если там прячутся партизаны. Но солдаты повернулись и ушли в город. Стрельба тоже стихла. Михаил вытер пот со лба. Дай бог, чтобы всем удалось уйти. Шелестов молодец, он все предусмотрел, путь отхода каждого члена группы. Предусмотреть можно все, кроме, пожалуй, таких вот случайностей.

На базу Сосновский вернулся далеко за полночь. В сарае за столом сидел один только Коган, который вырезал ножом какой-то узор на липовой дощечке.

– Живой? – поднял он голову. – Ну, теперь порядок. Все целы.

– Почему ты один? Где Максим, где Виктор?

– Скоро вернутся. Встречный вопрос: а где Майснер? И что там за хреновина случилась на дороге? Что за взрыв, из-за которого все пошло наперекосяк? Я и вмешаться не успел. Лежал там как дурак и не знал, что делать. И взрывать глупо, и вам огнем помочь не могу. А когда увидел, что из машины выпрыгнул человек, а ему вслед палить начали, тогда понял, что Майснер сбежал. И ты вроде за ним погнался. Догнал?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.